Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.
A. Y. Zavalishin, N. Y. Kosturina

ОТ АНОМИИ К СВЕРХНОРМАТИВНОСТИ: МОЛОДЕЖЬ В ПОИСКАХ ГРАНИЦ

FROM ANOMIE TO SUPERNORMALIZATION: YOUNG PEOPLE SEARCHING FOR BORDERS

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск). E-mail: native59@rambler.ru.

Mr. Andrey Yu. Zavalishin – doctor of sociological sciences, associate professor, head the social-humanities (sub)department of Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: native59@rambler.ru.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kostyurina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kosturina@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформаций современной культуры России, основных тенденций и предпосылок изменений, а также уточнению методологического аппарата исследования культурной динамики в молодежной среде, обозначенной как «движение от аномии к сверхнормативности».

Summary. The article is devoted to the analysis of the transformations of the contemporary culture of Russia, the main trends and prerequisites for changes, as well as the refinement of the methodological apparatus for investigating cultural dynamics in the youth environment, nominated as "movement from anomie to supernormalization."

Ключевые слова: современная культура, культура Дальнего Востока, молодежная культура, аксиология, социология молодежи, аномия, социальная норма, девиация, сверхнормативность.

Key words: modern culture, culture of the Far East, youth culture, axiology, sociology of youth, anomie, social norm, deviation, supernormalization.

УДК 316.4

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края, договор № 147/2017Д от 05.06.17.

Понятие «норма» – одно из важнейших в социологии, поскольку именно оно в наибольшей степени характеризует социотворческую сущность человека, обеспечивает способность и возможность жить «сообща», «вместе», сочетая потребности и интересы отдельного индивида с интересами и потребностями всех. И одновременно с этим ничто так не подвергается сомнению, критике, не вызывает отчаянные споры, конфликты и кризисы в обществе, как трактовка тех или иных норм или нормативных систем.

Изучение социальных норм имеет давнюю историю и, как принято считать, берет начало с классического труда Аристотеля «Никомахова этика». На протяжении длительного времени различные аспекты проблемы социальных норм (понятие социальных норм, их историко-культурная обусловленность, девиации, трансформации и их смены) исследовались представителями различных научных областей – философами, социологами, психологами, культурологами; историография темы велика и включает в себя классические труды Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертон, М. Вебера, Н. Бердяева, Ю. Хабермаса, А. Панарина и др. Среди исследований изменений соци-

альных норм в условиях глобализации большую известность приобрели труды Г. Х. Шахназарова, В. Л. Иноземцева, В. Ж. Келле, А. Вебера, А. Панарина, А. Неклесса, У. Бека. Но сколь значительны ни были бы труды исследователей прошлого и настоящего, тема эта не будет исчерпана до тех пор, пока существует общество.

Особую актуальность исследование социальных норм и поиска их границ в культуре приобрело на рубеже XX – XXI вв., отмеченном активным размыванием/расширением/изменением традиционных норм, сомнением в норме как таковой. Но, как ни парадоксально, еще в начале XX в., когда в традиционных, да и современных (индустриальных) обществах, социальные нормы в целом определяли общесоциальное бытие, классик французской социологии Э. Дюркгейм ввел понятие «аномия», понимая под ним такое состояние общества, при котором возникают непримиримые разногласия в отношении общезначимых ценностей, целей и норм, размываются или вообще утрачиваются нормативные и нравственные границы поведения в обществе [5]. Напротив, в нынешних обществах, поставивших под сомнение само наличие общечеловеческих/общезначимых норм, вдруг заговорили о сверхнормативности как новом феномене, обозначившем своего рода «реновацию» традиционности в культуре.

В этом смысле представляет интерес мнение, высказанное В. Афанасьевым, который ввел смысловое различие между понятиями «безнормность» (отсутствие норм = аномия) и «безнормативность» (как отсутствие способности к нормативному урегулированию вообще при наличии общезначимых норм как таковых) [1, 71]. В продолжение этой темы можно предположить, что «сверхнормативность» в культуре – это также отказ от нормативного регулирования поведения индивида при наличии общезначимых норм, но вызванный не «отсутствием способности», а *отсутствием необходимости* в таком регулировании. Ниже мы покажем, что такой подход не лишен основания, но раскрывает лишь одну из граней этого сложного феномена.

Новое понятие пока еще не получило глубокого концептуального обоснования в науке, при этом само явление сверхнормативности уже отмечено многими исследователями, однако далеко не все из них решились для ее экспликации использовать данный термин. Как справедливо замечает А. С. Ширяева, обратившаяся к рассмотрению сверхнормативности личности с позиций социальной психологии, в современной социологии, психологии, философской антропологии существует целый ряд подходов, так или иначе концептуализирующих ее: «осуществление личностного выбора» (А. Г. Асмолов), «процесс самоопределения» (И. С. Кон), «надситуативная активность» (В. А. Петровский), «позитивная свобода и продуктивная активность» (Э. Фромм), «самотрансценденция» (В. Франкл) и др. [11, 39]. Причем во всех этих случаях «сверхнормативность» рассматривается в системах «индивид – личность», «личность – группа» и не выходит за рамки психологического детерминизма. Как нам представляется, это также существенно сужает пространство экспликации дефиниции и мешает расширению горизонта ее операционализации в пространстве социокультурного исследования.

На наш взгляд, сверхнормативность в культуре отнюдь не сводится как к отказу от норм вообще (возведение аномии в ранг нормы), так и к личностному выбору индивида (как новой форме девиантного поведения), и может трактоваться по меньшей мере в двух основных и семи производных смыслах.

1. **Сверхнормативность общества** (как антиномия аномии), проявляющаяся в двух ортогональных плоскостях:

1) *избыточная нормативность* – преобладание запретов над дозволениями, формально-правовая и неформальная (общественная) «зарегулированность» поведения, в которой нет или почти нет рационального смысла, превращение человека в функцию, порабощение его социумом, то, что выше мы назвали «реновацией традиционности в культуре»;

2) *безнормативность* (тема В. Афанасьева) – отказ от многих традиционных форм социального контроля за поведением индивида при наличии общезначимых норм, вызванный отсутствием необходимости в таком регулировании по причине высокого уровня социальной ответственности членов общества; форма практической реализации принципа либеральной демократии: «Разрешено все, кроме того, что запрещено законом», – при последовательном снятии все новых и новых

запретов и презумпции нравственного самоопределения личности (человек сам определяет границы дозволенного, но при этом никогда не поступит во вред другим).

2. *Сверхнормативность личности:*

1) позитивная (социоцентричная) сверхнормативность:

- *конформизм* – стремление выполнять все предписания общества, насколько бы абсурдными они ни были;

- *альтруизм* – стремление к самосовершенствованию и бескорыстному служению обществу (сознательное превышение нормативных требований, основанное на высокой самооценке и завышенных притязаниях);

2) негативная (психоцентричная) сверхнормативность:

- *эскапизм* (тема Р. Мертона) – «бегство» от общества, разрыв социальных связей, вплоть до утраты целостности личности;

- *эгоцентризм* – убежденность в своей исключительности, отказ от любых социокультурных ограничений в пользу самотрансценденции, даже если это несет угрозу физическому и/или психическому здоровью индивида, другим людям и обществу в целом (тема Ф. Ницше);

- *квазиконформизм* – стремление налагать на себя все новые и новые ограничения, исходя из субъективного понимания сущности человеческой личности, питаемого религиозными и/или квазирелигиозными учениями, нередко вопреки здравому смыслу («монашество», закрепощающее личность; отрицание относительности/историчности любой нормы, возведение ее в абсолют).

Также можно говорить о *сверхнормативности большинства* (социально-классового, этнонационального, религиозного и т.д.), которое навязывает свои нормы меньшинствам, вопреки их экзистенциальным ценностям и нормам, и *сверхнормативности меньшинства*, навязывающего большинству свои групповые нормы и ценности, как правило, посредством властных институтов, прежде всего, государства.

Такое противоречивое многообразие форм нормативного (не)регулирования современного общества, затронувшее на рубеже XX – XXI вв. и Россию, привело к ситуации, внешне похожей на состояние аномии в варианте Э. Дюркгейма (что вводит в заблуждение многих исследователей), но, формируясь под влиянием постмодерна (и постпостмодерна), породило феномен сверхнормативности во всем многообразии его проявлений. И общество раскололось: одни восприняли эту ситуацию с воодушевлением (расширение возможностей), другие – с ужасом (рост неопределенности и увеличение рисков). При этом в наиболее сложном положении оказалась именно молодежь (как, впрочем, во все времена), поскольку питаемая идеями первых (преимущественно, второго поколения – «отцов») и вторых (преимущественно, третьего поколения – «дедов»), была вынуждена делать собственный выбор еще и в ситуации существенного ослабления социального контроля к себе со стороны общества.

Состояние «безвременья», болезненно переживаемое значительной частью российского общества после распада СССР, сопровождалось не только либеральными реформами, ростом преступности и обнищанием огромных масс населения, но и возникновением ряда социальных мифов, не подтвердившихся впоследствии, но имеющих немало сторонников и в наши дни, причем не только среди обывателей, но и представителей так называемого научного сообщества.

Один из таких мифов имеет прямое отношение к теме сверхнормативности – убежденность в том, что современная российская молодежь (причем огульно: и 1990-х, и 2000-х, и 2010-х гг.), социализация которой пришлось на постсоветские времена, лишена «истинных» ценностей, на которых зиждилось советское (= «традиционное») общество, утратила морально-нравственные ориентиры и самым этим фактом поставила под сомнение уже ближайшее будущее Российского государства; с упадком нравственности связывают такие «кризисные явления современной жизни, как криминализация детской и молодежной среды, наркомания, пьянство, упадок патриотического воспитания», разрушение семьи [2], ситуация часто характеризуется как «угроза деградации культуры и безнравственности молодежи» [3]. Интересно, что студенческие исследовательские работы регулярно воспроизводят этот миф [4]. Многочисленны концепции воспитания нравственности,

перевоспитания, «профилактики аморальности», «возрождения духовности», зачастую путем ограничения свобод, введения цензуры и других форм контроля [6] и т.д.

Есть и противоположная точка зрения (чаще представлена публицистическими статьями [7]), также широко распространенная: современная молодежь – первое «непоротое поколение» России – привыкла к разным формам свободы, к свободному выбору, бесстрашное поколение, не имеющее «рабских» воспоминаний [8].

Насколько верны подобные утверждения? На наш взгляд, верны и не верны в равной степени.

Выскажем парадоксальную, на первый взгляд, мысль: свобода (в ее негативном понимании – как свобода личности от общества) НЕ опьяняет, НЕ порождает чувства вседозволенности (как это часто принято считать), а вызывает внутреннее беспокойство, психологический дискомфорт, ощущение неопределенности. Отсюда постоянное, выраженное, но нередко не осознаваемое самим индивидом стремление к установлению символических границ (не)допустимого поведения: «так» – можно, а «так» – уже нельзя. При этом многочисленные авторы, занятые исследованием молодежи (не только в настоящее время, но и во все времена), зачастую оказываются в плену иллюзии, порожденной априорным убеждением в наличии неких универсальных ценностей и норм (условно: не убей, не укради, не прелюбодействуй и т.д.), носителями которых они считают «здоровое» общество и к которому, безусловно, относят себя сами. И когда обнаруживается, что кто-то (молодежь) придерживается иных («нетрадиционных») норм и ценностей, это вызывает у них неприятие и отвращение. Именно отсюда берут начало часто ни на чем, кроме собственных субъективных убеждений, не основанные заявления.

Этот социальный миф, получивший название «конфликт отцов и детей», возник еще в древние времена, зафиксирован во многих текстах (художественных/религиозных) разных эпох, а в настоящее время укоренился и в научной литературе.

Насколько аргументирована такая позиция?

Прежде всего, примем как аксиому, что молодежь не отрицает нормы как таковые, а постоянно и непрерывно устанавливает все новые нормы, которые регламентируют ее поведение даже более жестко, чем так называемые «общечеловеческие», «традиционные» или закрепленные в виде системы права (законов). Противопоставленные нормам «взрослых»/старшего поколения молодежные нормы функционируют как форма протеста против навязанных стандартов поведения, которые кажутся непонятными, необоснованными, а потому воспринимаются как насилие над личностью.

Итак, молодежные нормы во все времена – это форма протеста против непонятных/ненужных норм взрослых, а значит, одна из форм сверхнормативности, которую либо стараются «не замечать», либо, соприкоснувшись с ней, занимаются морализаторством, рассуждая о «падении нравов», «разложении общества», грядущем социальном «апокалипсисе» и т.д.

Формирование сверхнормативности личности ребенка/подростка начинается тогда, когда на вопрос отцу/матери/бабушке: «Почему нельзя?», – звучит сакраментальный в своей простоте ответ: «Потому». Действительно, размышления о природе и предназначении тех или иных запретов и норм редко оказывается частью повседневной жизни. Отсутствие подобной рефлексии приводит к механическому усвоению норм или тотальному их отрицанию, препятствует интериоризации нормы, трансформации социальных табу в систему личностных нравственных ориентиров молодежи. С точки зрения психологии, проблему разрыва между нормами «отцов» и «детей», перспективы взаимодействия поколений анализирует психолог Л. Петрановская [9], в исследовании Сбербанка обосновывается утверждение в молодежной среде («поколение Z») традиционных ценностей [10].

Что происходит сегодня? Специфика современной ситуации, на наш взгляд, состоит в следующем:

1) произошло существенное ослабление социального контроля за детьми и подростками со стороны не только общества в целом, но и «отцов» и «дедов» (как следствие нуклеаризации семьи, 100%-ной занятости родителей, «ухода» детей в запретный для взрослых виртуальный мир);

2) возникла и продолжает увеличиваться дистанция между все возрастающим уровнем овладения молодежью новейшими достижениями в сфере информационных технологий и безнадежно отстающими от них взрослыми, следствием чего становится утрата поколением «отцов» и еще более «дедов» презумпции морального и интеллектуального превосходства над «детьми»;

3) интернет сделал доступной для пользователей практически любую информацию «всего обо всем», девальвируя этим этические и иные возрастные информационные ограничения («вам еще рано об этом знать», «нос не дорос» и т.д.); при этом попытки оградить детей/подростков от «нежелательного» контента часто только подогревают познавательный интерес, а обойти существующие в настоящее время блокировки запрещенных сайтов большого труда не составляет;

4) широкое распространение получили виртуальные (но при этом ничуть не менее реальные, чем поселенческие, дворовые или родственные) сообщества детей и подростков, оказавшиеся практически полностью неподконтрольными со стороны взрослых, что время от времени вызывает у последних настоящие «панические атаки» (чего стоит, например, дискуссия о «синих китах», «группах смерти» и т.п., породившая волну истерии и призывы к немедленному «закрытию» интернета).

Как на все это реагирует молодежь? Нелепо было бы утверждать, что это вызывает у нее эйфорию вседозволенности. Более того, поколение современных тинэйджеров находится в отчаянном поиске собственной идентичности в быстро меняющемся мире и начинает лихорадочно выстраивать свою систему ценностей и норм, которую мы и называем «сверхнормативностью». При этом в отличие от норм «взрослых» социальные нормы «детей» часто внутренне противоречивы, недолговечны, изменчивы, но благодаря наличию социальных сетей получают моментальное распространение в пространстве региона, страны, а то и всего мира, и, что очень важно, подчиняются жесткому (если не жестокому) социальному контролю со стороны сверстников. В этом смысле можно говорить о современном сообществе детей как своего рода квазитрадиционном, когда любое отклонение от некоего неписаного правила приводит к изгнанию, чреватому иногда самыми тяжелыми последствиями для провинившегося, вплоть до психических травм и суицида («кто не с нами – тот лох»).

Суммируя вышесказанное, можно прийти к следующим выводам: оказавшись в ситуации информационного и технологического превосходства над «взрослыми», молодежь в массе своей не принимает «на веру» нормы и ценности старшего поколения. При этом, не имея объективной возможности полного разрыва с миром «взрослых», она постоянно экспериментирует с новыми формами поведения, которые на социальном уровне эксплицируются как девиации, но в действительности представляют собой сверхнормативность в том или ином ее проявлении.

Избыточная нормативность (характерна для детей 8 – 14 лет) – своеобразная реакция на тотальный контроль со стороны взрослых: стремление нарушать или игнорировать внешние нормативные предписания, но при этом строго следовать неписаным нормам, принятым в данном детском сообществе.

Безнормативность (подростки и молодежь в возрасте от 15 до 20 лет) – поиск самоидентификации, стремление к социокультурной автономии личности (проявляется в двух ортогональных плоскостях: позитивной – творчество, негативной – криминал).

Альтруизм как форма неприятия *конформизма* – гипертрофированное желание «приносить пользу обществу», как правило, связанное с завышенной самооценкой (поиск смысла жизни).

Эскапизм проявляется в интернет-зависимости, стремлении «раствориться» в виртуальном пространстве, как пассивный протест против мира взрослых.

Эгоцентризм – форма социального «паразитирования», стремление решать свои проблемы за счет родителей/учителей/государства, снятие с себя ответственности за свои поступки («меня никто не понимает, я жертва обстоятельств»).

Квазиконформизм характерен для тоталитарных групп и субкультур, наиболее заметно проявляется в закрытых интернет-сообществах.

Со второй половины XX в. сверхнормативность молодежи стала конвертироваться в политическую плоскость. В России это стало «вдруг» актуальным в марте 2017 г., когда тысячи тинэйджеров вышли на улицы российских городов с политическими лозунгами.

Можно ли в связи с этим утверждать о наступлении «новой эры» в истории России, когда ключевую роль в политических процессах начнет играть новое («непоротое») поколение, сделавшее свой осознанный выбор?

Полагаем, что преждевременно. При этом очевидно, что нынешнюю молодежь нельзя просто проигнорировать. В умелых руках политиков она может стать силой, способной обрушить общество, причем вопреки собственным же интересам. Именно поэтому современная молодежь должна находиться в эпицентре научного исследования, однако же не отягощенного мифами и предубеждениями последних нескольких десятилетий.

Сегодня перед научным сообществом и обществом в целом со всей остротой стоит задача понимания того, чем и как живет молодежь, но не для того, чтобы предотвратить гипотетическую грядущую деградацию общества, а чтобы самим не выпасть из него окончательно и бесповоротно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев, В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения / В. Афанасьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/601/542/1216/007x20aFANASXEW.pdf>.
2. Аллабян, З. Проблема духовно-нравственного воспитания молодежи в современной России / З. Аллабян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-molodezhi-v-sovremennoy-rossii>.
3. Атажанов, Х. Духовно-нравственное воспитание молодежи через СМИ / Х. Атажанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-vospitanie-molodezhi-cherez-smi>.
4. Безрукова, Л. Проблема нравственности в современном обществе / Л. Безрукова, А. Озерская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nauchforum.ru/studconf/gum/xx/5837>.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Одесса, 1900.
6. Юревич, А. Нравственное состояние современного общества / А. Юревич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/articles/view/nravstvennoe-sostoyanie-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva>.
7. Козлов, А. Молодежь будут давить прессом / А. Козлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/piter/2017/03/31/1603565.html>.
8. Хомякова, Е. «Поколение Y» в контексте социального взаимодействия в современном обществе / Е. Хомякова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-y-v-kontekste-sotsialnogo-vzaimodeystviya-v-sovremennom-obschestve>.
9. Петрановская, Л. Советы «непоротому поколению» / Л. Петрановская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newizv.ru/article/general/14-06-2017/lyudmila-petranovskaya-sovety-neporotomu-pokoleniyu>.
10. Сбербанк: 30 фактов о современной молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adindex.ru/files2/news/2017_03/158487_youth_presentation.pdf.
11. Ширяева, А. С. Феномен сверхнормативного поведения личности в отечественной и зарубежной психологии / А. С. Ширяева // Theoretical Aspects of Contemporary Psychological Researchers. – 2011. – № 2(18). – Р. 34-44.